

Лариса Черкашина

«Да здравствует
солнце!..»

Пушкин и его земной мир

Лариса Андреевна Черкашина
«Да здоровствует солнце!..»
Пушкин и его земной мир
Серия «Пушкинская библиотека»

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=73951297

«Да здоровствует солнце!..» Пушкин и его земной мир / Лариса Черкашина: Вече; Москва; 2025

ISBN 978-5-4484-5564-3

Аннотация

Земной мир Пушкина... Он наполнен жизнью. В нём вольготно парят в поднебесье гордые орлы, мчатся во всю прыть донские жеребцы, белоснежные лебеди отражаются в озёрной глади, звенят докучливыми цепями косматые мишки, мурлычут коты – домашние любимцы, зайцы то и дело перебегают дорогу, воют в сумерках серые разбойники... Досталось место в пушкинском мире и самым крохотным созданиям: мотылькам и муравьям, комарам и мухам, божьим коровкам и паукам; цветам и травам: потаённому ландышу и царственно-роскошной розе. Вероятно, нет того или иного явления природы, растения, птицы или зверя, когда-либо виденных поэтом, которые, наряду с героями в людском обличье, органично не вошли бы в живую ткань его стихотворений, поэм и повестей. И быть может, впервые

в книге известной пушкинистки Л. А. Черкашиной «собрались» вместе птицы и звери, цветы и пчёлы, камни-талисманы и небесные светила – вся «весёлая природа» великого поэта. Чтобы ещё раз нам вслед за Пушкиным подивиться красоте Божьего мира.

В формате PDF A4 сохранен издательский макет книги.

Содержание

Пролог	7
«Куда ты скачешь, гордый конь?»	12
Наездник Пушкин	12
«Не велеть ли в санки»	19
Боевой дончак	26
Олегов конь	31
«Кобылица молодая»	39
«На золотом аргамаке»	49
Урок царям	53
Славная Лизетта	63
На крыльях Пегаса	73
Конец ознакомительного фрагмента.	74

Лариса Черкашина

«Да здравствует солнце!..»

Пушкин и его земной мир

В оформлении книги использованы портреты, гравюры и фотографии из собраний Института русской литературы (Пушкинский Дом) РАН, Всероссийского музея А. С. Пушкина, Государственного музея А. С. Пушкина, Государственного Эрмитажа, Российской государственной библиотеки, Государственной Третьяковской галереи, Российского государственного архива, Художественно-педагогического музея игрушки (Сергиев Посад), Музея В. А. Тропинина и московских художников его времени (Москва), Музея папируса (Каир), Приморской картинной галереи (Владивосток), частных российских и зарубежных коллекций.

В оформлении обложки книги использована картина «Дуэль А. С. Пушкина. Протаптывают тропинку» кисти народного художника Российской Федерации Дмитрия Белюкина.

Все цитаты в книге приводятся с сохранением орфографии и пунктуации оригинала.

© Издательство «Вече», 2025

*Певцу русской природы Дмитрию Белюкину,
народному художнику России*

Пролог

*Прости, небесная краса,
Прости, весёлая природа...*
Александр Пушкин

Земной мир Пушкина. Рассказать о нём задача не из лёгких, да и невозможно сделать то в одной книге.

Он наполнен жизнью: вольготно парят в поднебесье гордые орлы, мчатся во всю прыть донские жеребцы, белоснежные лебеди отражаются в озёрной глади, звенят докучливыми цепями косматые мишки, мурлычут домашние любимцы, зайцы то и дело перебегают дорогу, воют в сумерках серые разбойники... Не забыты и столь обычные на крестьянских подворьях куры, гуси, петухи да индюшки...

Досталось места в пушкинском мире и самым крохотным созданиям: мотылькам и муравьям, комарам и мухам, божьим коровкам и паукам; цветам и травам: потаённому ландышу и царственно-роскошной розе.

И фантастические крылатые змеи, «полужуравли» с «полукотами» прижились в поэтических строфах.

Там на неведомых дорожках
Следы невиданных зверей...

Но без всей этой многоликости жизни, во всех её, даже

самых обыденных, проявлениях не было бы и пушкинских шедевров, что вот уже третье столетие заставляют трепетать человеческие сердца. Не было бы величайших образцов Поэзии!

Но, может быть, такого рода
Картины вас не привлекут:
Всё это низкая природа;
Изящного не много тут.

Да, ведь у Пушкина нет «низкой природы», – недаром она именована поэтом «весёлой». Давным-давно, в седой древности, Владимир Мономах взывал в своём историческом «Поучении»: «Звери различные и птицы и рыбы украшены Твоим промыслом, Господи!» Похоже, так полагал и далёкий потомок славного князя поэт Александр Пушкин. Вспомнить хотя бы его строки, вложенные в уста кузнеца Архипа в «Дубровском» и обращённые к мальчишкам, что хохочут при виде обезумевшей в пожаре кошки: «Божия тварь погибает, а вы сдуру радуетесь».

А ведь здесь ключевое слово – «Божия тварь»!

Сколько разного зверья можно встретить в поэмах, повестях, да и в письмах поэта: не только привычных тогдашнему читателю зайцев, медведей, лис, но и обитателей полу-денных краёв, – тигров, ланей, львов. Подчас пушкинские герои, словно в некоем мистическом карнавале, «примеряют» на себя звериное обличье либо звериный характер, об-

ращаясь то волком, то змеёй, то тигром.

*А. С. Пушкин на вершине Ай-Петри при восходе солнца.
Художник И. К. Айвазовский. 1899 г.*

Вот и в «Скупом рыцаре» герцог, поражённый вызовом барона-отца своего сына на поединок, восклицает:

Что видел я? что было предо мною?
Сын принял вызов старого отца!
В какие дни надел я на себя
Цепь герцогов! Молчите: ты, безумец,
И ты, тигрёнок! полно.

Или оживший под пером Пушкина портрет славного боевого генерала Ермолова: «Лицо круглое, огненные, серые глаза, седые волосы дыбом. Голова тигра на Геркулесовом торсе».

А любимица-героиня Татьяна Ларина уподоблена благородной лани, – символа изящества, быстроты и... пугливости.

Дика, печальна, молчалива,
Как лань лесная боязлива,
Она в семье своей родной
Казалась девочкой чужой.

Верно, не случайно в священный культ возвели греки Керинейскую красавицу лань, с золотыми рожками и медными копытцами, что сопровождала богине охоты Артемиде. И вновь, на страницах «Онегина», вспыхивает сравнение Татьяны с этим грациозным пугливым существом:

И, утренней луны бледней
И трепетней гонимой лани...

Пушкинские страницы живые, – они наполнены многоголосьем: пением лесной иволги и петушиным кукареканьем, лаем борзых и воем серых разбойников, ржанием донских жеребцов и призывным мяуканьем котов на петербургских крышах...

Отдана поэтическая дань и «царице цветов» – розе, и магическому блеску драгоценных камней-талисманов. Да и самой луне – сей таинственной «ночной лампаде».

Что ж, дорогой читатель, последуем не растерявшему силы совету Александра Сергеевича:

По прихоти своей скитаться здесь и там,
Дивясь божественным природы красотам,
И пред созданьями искусств и вдохновенья
Трепеща радостно в восторгах умиленья.
Вот счастье! вот права...

И вместе подивимся открытыми нам русским гением красотами земного мира! И, быть может, познаем счастье...

«Куда ты скачешь, гордый конь?»

Ведут ко мне коня...
Александр Пушкин

Наездник Пушкин

Вот уж кому повезло «прогарцевать» под пушкинским пером, так это лошадам, – и боевым скакунам, и деревенским кобылкам!

Что за беда? не всё ж гулять пешком
По невшкому граниту иль на бале
Лощить паркет, или скакать верхом
В степи киргизской. Поплетусь-ка дале,
Со станции на станцию шажком,
Как говорят о том оригинале,
Который, не кормя, на рысаке
Приехал из Москвы к Неве-реке.

Александр Пушкин слыл отличным наездником. А первые уроки выездки были даны ему, ещё юному лицеисту, – ведь в расписании Царскосельского лицея значилось обязательное обучение верховой езде. Её искусство воспитанники постигали в гусарском манеже, «на лошадях запасного эс-

кадрона». Как пригодились в будущем Пушкину те уроки! Верховая езда стала для него жизненно необходимой, – и в часы отдохновения, и в долгих странствиях по необъятной России.

И струй и тополей прохлада...
Всё чувство путника манит,
Когда, в час утра безмятежный,
В горах, дорогою прибрежной,
Привычный конь его бежит,
И зеленеющая влага
Пред ним и блещет и шумит
Вокруг утёсов Аю-дага...

Нелишне вспомнить, что с юных лет знакомы поэту все тонкости конской упряжи:

Берёшь седло, берёшь чепрак, узду...

В Кишиневе двадцатилетний Пушкин с упоением предавался верховой езде, и, по воспоминаниям, «бывали дни, когда он почти не слезал с лошади...». Верховом довелось поэту преодолевать и коварные горные тропы.

Пушкин в Михайловском. Художник Б. И. Кожин. Около 1937 г.

Да и в Михайловском, во времена опалы, прогулки верхом подобны жизненному эликсиру для поэта:

Как быстро в поле, вокруг открытом,
Подкован вновь, мой конь бежит!
Как звонко под его копытом

Земля промёрзлая звучит!

Случались, однако, и досадные падения. Об одном из них признаётся сам Пушкин князю Вяземскому. Вот строки его письма приятелю, писанного в Тригорском, в гостеприимном доме Прасковьи Александровны Осиповой в январе 1825 года: «Пишу тебе в гостях с разбитой рукой – упал на льду не с лошади, а с лошадыю: большая разница для моего наезднического честолюбия».

И, быть может, в строфах «Евгения Онегина» осталось поэтическое толкование того самого незадачливого полёта с лошади или... с лошадыю:

Но конь, притупленной подковой
Неверный зацепляя лёд,
Того и жди, что упадёт.

Летит с коня, да ещё «вверх ногами», и соперник храброго Руслана – надменный хвастун Фарлаф:

Ко рву примчался конь ретивый,
Взмахнул хвостом и белой гривой,
Бразды стальные закусил
И через ров перескочил;
Но робкий всадник вверх ногами
Свалился тяжко в грязный ров...

«Отличился» падением с боевого коня и бретёр Зарецкий,

«глава повес, трибун трактирный», – автор «Онегина» находит для него уничижительные строки:

И то сказать, что и в сраженье
Раз в настоящем упоенье
Он отличился, смело в грязь
С коня калмыцкого сваясь,
Как зюзя пьяный, и французам
Достался в плен: драгой залог!

Столь несходных «героев», – и незадачливого искателя руки Людмилы Фарлафа, и деревенского «педанта» дуэльного кодекса Зарецкого, – роднит одно немаловажное обстоятельство, – оба они валятся с коней прямо в грязь...

Но вот любопытная деталь: Зарецкий в сражении падает (что само по себе позорно для кавалериста!) с калмыцкого коня. Порода эта идёт от табунных монгольских лошадей, завезённых калмыками в степи Прикаспия ещё в начале семнадцатого века. Калмыцкие лошадки, обычно гнедой или бурой масти, с крупной горбоносой головой, крепко посаженной на короткую шею с кадыком; довольно-таки высокие с сильными мускулистыми ногами. Выносливость их считалась чуть ли не эталонной, – те степные лошадки могли проскакать без отдыха и корма почти сто вёрст! Посему и в русской кавалерии калмыцким коням отдавалось предпочтение, – так что и эта подробность не укрылась от поэта. Старое, почти забытое слово «лошадник», либо знаток лошадей, как нельзя применимо к Пушкину!

...И всё ж, презрев все опасности, что может сравниться с наслаждением от безумной скачки?!

Ведут ко мне коня; в раздолии открытом,
Махая гривую, он всадника несёт,
И звонко под его блистающим копытом
Звонит промёрзлый дол и трескается лёд.

Зато мчатся в санях, запряжённых удалой тройкой, куда как весело!

«Не велеть ли в санки»

«В Крещение приехал к нам в Старицу Пушкин, – вещает радостную новость Алексей Вульф. – “Слава наших дней, поэт, любимый небесами”, – как его приветствует костромский поэт г-жа Готовцева. Он принёс в наше общество немного разнообразия. Его светский блестящий ум очень приятен в обществе, особенно женском. С ним я заключил оборонительный и наступательный союз против красавиц, отчего его и прозвали сёстры Мефистофелем, а меня Фаустом. <..> После праздников поехали все по деревням; я с Пушкиным, взяв по бутылке шампанского, которые морозили, держа на коленях, поехали к Павлу Ивановичу». Яркая живая картинка зимних радостей!

Пороша есть иль нет? и можно ли постель
Покинуть для седла...

В тверских Павловском и Малинниках, где у Вульфов гостит Пушкин, нередко предаётся он любимой забаве, – однакож, не всё ж верхом, а и в санях, запряжённых добрыми кобылками.

Рисуя в пламенных стихах
Прогулки тайные в санях...

Памятен и другой приезд поэта в тверские края. Среди деревенских забав, удовольствий и трудов летит время, вот уже и ноябрь, близится воскресенье. День рождения пушкинского шедевра! Эту дату – «3 ноября» – Пушкин выводит под первыми строфами «Зимнего утра».

Но почему дано такое название? Поэт всегда точен в словах, событиях, деталях – ведь календарь 1829-го отсчитывает всего лишь начало ноября. Верно, по некоему капризу природы, зима в тверском краю в тот год выдалась необычайно ранней, выпал снег и ударили первые морозцы.

Михайловская ссылка. Зима 1825 г. Художник Д. А. Белокин. 2003 г.

Настало утро, чудесное ноябрьское утро. Счастливейшее в жизни Анны Вульф! Вместе с Пушкиным... Ей так не

хочется просыпаться от волшебного сна, открывать полные чувственной неги глаза. Всё же имя той неведомой томной красавицы (а в действительности, увы, нет), к коей обращены эти строки, ныне угадано:

Вся комната янтарным блеском
Озарена. Весёлым треском
Трещит затопленная печь.
Приятно думать у лежанки.
Но знаешь: не велеть ли в санки
Кобылку бурую запречь?

Скользя по утреннему снегу,
Друг милый, предадимся бегу
Нетерпеливого коня
И навестим поля пустые,
Леса, недавно столь густые,
И берег, милый для меня.

Некая странность есть в этих стихах. Вот, обращаясь к любимой, поэт предлагает запрячь в санки «кобылку бурую». И тут же в следующих строках – новый призыв: предаться бегу «нетерпеливого коня»? Да не мог же Пушкин допустить столь явную несуразицу!

Обратимся к черновикам. Там всё в соответствии: не кобылку, а «коня черкасского» изначально должно было запрячь в сани! «Черкасская» – старинная верховая порода лошадей, где к южнорусским лошадам частенько примешива-

лась кровь их восточных сородичей, – тех, что казаки добывали как военный трофей в походах против турок. Кони старей черкасской породы славились статью, резвостью, выносливостью и, подчас, горячим нравом.

Не показался ли поэту породистый «нетерпеливый» скакун слишком вычурным для простой деревенской прогулки?!

Анна не капризничает, она бессловесна, она заранее согласна со всем, чего бы ни пожелал любимый. Запрячь кобылку, – слуге велено запрягать, кататься в санях – значит кататься! И там лишь, где мило сердцу поэта. Правда, в черновике осталась строчка, для неё, быть может, утешительная: «Где мы гуляли...» Но безответно влюблённой Анне Вульф не судьба была прочесть того признания.

Как странно, в стихах всё в противостоянии: солнце – мороз, кобылка – конь, красавица – некрасавица (в жизненном подтексте). Между этими «полюсами» и пробегает Божья искра!

Пушкин в санях. Художник Б. М. Кустодиев. 1915 г.

То был поистине звёздный час и для «тверской Авроры»! Пушкин сравнил Анну Вульф с богиней утренней зари, от которой произошли все звёзды на небосводе и все земные ветры: от северного Борея до ласкового Зефира. Крылатая Аврора, с венцом из сияющих лучей, восседала на колеснице, запряжённой крылатыми скакунами. А в жизни старая дева Анна Николаевна каталась в санках, с впряжённой в них бурой кобылкой. И не покорялись ей ни звёзды, ни ветры...

Вновь слово брату влюблённой барышни. Как благодарны ныне мы Алексею Вульфу, что не ленился-то он пове-

рять впечатления, и довольно-таки интимные, другу-дневнику! Под его пером оживает картинка весёлого зимнего вечера: «Я, Анна Петровна (Керн) и Софья Михайловна (Дельвиг) поехали кататься, – легко скользили сани по уезженной уже улице, следы полозьев ярко блестели в лучах месяца и параллельно тянулись за санями, летел брызгами мелкий снег из-под копыт лошади, и два столба пара клубились из её ноздрей; много саней видно было на Невском проспекте: иные постепенно перегоняли нас, другие также отставали, изредка лихой извозчик или купец быстро мчались мимо на рысаках, которые, казалось, неслись не по воле правящих ими, а как будто закусив удила. – Катание было весьма приятное, холод как-то живил и веселил чувства; мы заезжали в кондитерскую выпить сабиону и возвратились домой, довольные прогулкой. – Остальной вечер я просидел у ног Софьи на полу; она была довольно нежна и пела всё: «Не искушай меня без нужды возвратом нежности твоей» etc».

Нельзя же целый век

Кататься нам в санях с Армидами младыми...

Промчатся по Невскому на рысаках в санях – не есть ли одно из удовольствий петербургской жизни? Равно, как и провести вечер у ног любимой. Ведомы были те зимние радости и Александру Пушкину.

Боевой дончак

От мирных отряд до военных тревог не столь уж далеко, – Пушкин едет на Кавказ, дабы стать свидетелем войны, добирается до Арзрума, и однажды участвует в жарком деле, в конной атаке. В лагере под Саган-лу, услышав о появлении турок, он скачет к месту перестрелки. Подхватывает казачью пику и бросается с нею на неприятеля... Становится свидетелем страшных следствий войны: видит первого убитого, – обезглавленный труп казака, – и множество раненых, – от рядового до генерала Остен-Сакена.

Неизгладимые впечатления: «Турки бежали; казаки стега-ли нагайками пушки, брошенные на дороге... Первые в преследовании были наши татарские полки, коих лошади отличаются быстротою и силою. Лошадь моя, закусив удила, от них не отставала...»

Влечу я с братьями в огонь,
Влечу грозой! – и одинокой
В долину выбежит мой конь.

Печальное то пророчество, по счастью, не свершилось, – тогда Пушкина вынес из пекла сражения резвый дончак, конь донской породы.

«Донская», она же «Казачья степная», – русская порода

лошадей, выведенная за два ратных века: восемнадцатый и девятнадцатый.

Автопортрет поэта в бурке и с пикой во время Арзрумского похода. Из альбома Елизаветы Ушаковой. 1829 г.

Долгие годы вольных «степняков» скрещивали с персидскими, карабахскими, турецкими жеребцами, что как боевые трофеи попадали на казачий Дон. А так как войны с турками вспыхивали часто, то и трофейных жеребцов с горячей восточной кровью вполне хватало. Степные кобылицы, верно, не чуждались своих иноземных сородичей, – так в

России явился благородный дончак: «Казачья лошадь характеризуется горбатой головой, тонкой и длинной шеей, прямой и сильной спиной, глубокой подпругой, длинными и сухими ногами...; масть преимущественно бурая, караковая и рыжая, реже серая или гнедая. Она отличается неутомимостью, выносливостью и неприхотливостью к условиям содержания, остротой зрения и дальностью зрения, дикостью нрава и быстротой хода...»

Поскачешь ты гордиться жеребцами...

Такими резвыми конями и впрямь можно было гордиться! Описание же исконно старой породы дончаков не противоречит известному рисунку, – где поэт представил себя верхом на поджаром скакуне, в бурке и с пикой в руке. Но вот Пушкин, шестнадцати лет от роду (!), словно предвидит ту будущую свою лихую атаку:

Мой конь в ряды врагов орлом
Несётся с грозным седоком.

Ох, как пригодились Александру Сергеевичу те давние уроки в Царском Селе, в гусарском манеже... Да и донской жеребец не подвёл в грозном бою!

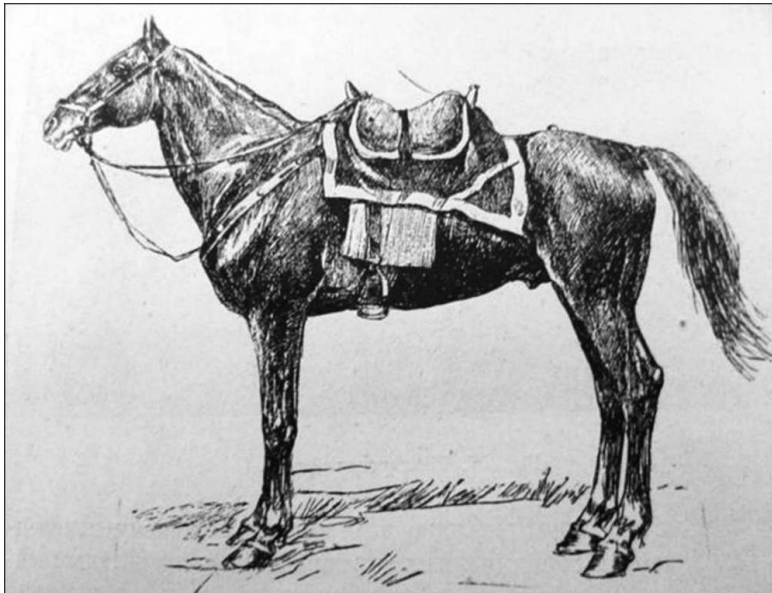
Может, оттого и своего Евгения поэт «усадил» на дончака, – ведь только резвый жеребец мог избавить героя от надоедливых соседей:

Сначала все к нему езжали,
Но так как с заднего крыльца
Обыкновенно подавали
Ему донского жеребца,
Лишь только вдоль большой дороги
Заслышит их домашни дроги...

Быстроногим дончакам отдана Пушкиным и сказочная
дань:

Корабельщики в ответ:
«Мы объехали весь свет,
Торговали мы конями,
Всё донскими жеребцами,
А теперь нам вышел срок —
И лежит нам путь далёк:
Мимо острова Буяна,
В царство славного Салтана...»

Рыжие дончаки не зря славились по всему свету, – и своим
отменным здоровьем, и ярким узнаваемым обликом: широ-
колобой головой с умными выразительными глазами и креп-
кой точёной статью, так пригодной в бою.

Русская донская порода. Гравюра. Начало XX в.

А ранее волшебной сказки явилась на свет «Песнь о вещем Олеге».

Олегов конь

Пожалуй, единственная историческая баллада, где героем, наряду с князем Олегом, предстаёт его верный конь. Год рождения её 1822-й, а чуть позднее «Песнь...» была напечатана в «Северных цветах» и тотчас снискала громкую славу у читателей альманаха.

Древняя легенда, поведанная Карамзиным в его «Истории государства Российского», где волхвы предрекают гибель князю Олегу от его же любимого коня, обратилась под пером Пушкина в «Песнь о вещем Олеге». Но Александр Сергеевич, как полагают, мог хорошо знать и изданную в 1792 году Николаем Львовым, «русским Леонардо да Винчи», так называемую «Львовскую летопись», а вернее – «Летописец русский от пришествия Рюрика до кончины царя Иоанна Васильевича».

И, верно, те знакомые предания наложились на яркие впечатления, когда в один из зимних дней 1821 года Пушкин с друзьями взошёл на Щекавицу, или Олегову гору, что в Киеве над Подолом. На ней-то, как гласит «Повесть временных лет», и нашёл своё упокоение Вещий Олег: «И понесли его, и похоронили на горе, называемую Щекавица; есть же могила его и доныне, слывет могилой Олеговой». Однако «Новгородская летопись» спорит с тем, называя иное место захоронения легендарного князя – неподалёку от Старой Ладogi.

Итак, что знал о жизни и деяниях князя Олега, принявшего столь необычную романтическую смерть, сам Пушкин? Ведь он буквально зачитывался «Историей государства Российского» Карамзина, где был и этот летописный рассказ.

Перед кончиной князь Рюрик передал власть ему, своему родичу, назначив Олега опекуном малолетнего сына Игоря. Летопись повествует, как князь Олег, прозванный Вещим, с воинами – славянами, чудью, мерями, кривичами, варягами – прошёл из Новгорода по пути «из варяг в греки», взяв в 882 году Смоленск, город днепровских кривичей, и Любеч. Посадив там своих «мужей», он «приидоша» к Киеву.

В том же 882-м хитростью заманил Олег в свой лагерь правивших тогда в Киеве князей Аскольда и Дира. Там, на высокой днепровской круче, они и приняли свою неожиданную смерть. По летописи, Олег будто попрекнул Аскольда и Дира, что они не князья и «не княжеского роду», и вынес к пленникам малолетнего Игоря со словами: «Вот он, сын Рюрика».

Со смертью князей-соперников Олег становится могущественным киевским владыкой. «И сел Олег, княжа в Киеве, и сказал Олег: “Да будет матерью городам русским”». Олег, взимая дань со многих славянских племен, объединил под своей властью древлян, северян, радимичей. Он же, князь-нарядник, «нача города ставити» и «боронить» русские земли от «ворогов». Отомстил Олег и «неразумным хозарам» – борьба с ними закончилась освобождением радимичей и се-

верян от «хозарской» дани.

В 907 году князь свершил свой знаменитый поход в Византию: «...Поиде Олегъ на конех и на кораблех, и бе числом кораблей 2000. И прииде къ Царюграду...» Византийцы, напуганные вторжением столь могучего войска, без сражения запросили мира, и он был принят русскими – «и заповеда Олегъ дань даяти...» Договор, заключённый с Византией в 911 году (кстати, это первый на Руси известный письменный памятник), сулил большие выгоды русским, благоприятствовал торговле и мореплаванию.

Знаменательно и то, что «варяг» Олег, обещая блюсти договор, клялся, по славянскому обычаю, оружием и богом Перуном. А сам договор Руси с Византией начинался словами: «Мы от рода русьскаго...» Летописные страницы поведали, как победитель Олег прибил свой щит на воротах Царьграда, столицы Византии.

Победой прославлено имя твоё...

Ну а эти пушкинские строки – ещё одно подтверждение тому, как глубоко постиг поэт отечественную историю: «... Разные славянские племена, принявшие имя русских, умножили войска своих победителей. Они завладели Киевом; Олег обосновал там столицу своих владений. Варяго-русы стали ужасом Восточно-Римской империи, и их дикий флот не раз угрожал богатой и слабой Византии. Она, не в состоя-

нии отражать их набеги силой оружия, льстила себя тем, что связала их ярмом религии».

Олег Веций ведёт войска к стенам Царьграда. Радзивилловская летопись.

На ладьях, тяжело гружённых серебром и заморским товаром, воротился Олег с дружиной в Киев. «И жил Олег, княжа в Киеве, мир имея со всеми странами, – так в переводе Дмитрия Лихачёва гласит “Повесть временных лет”. – И пришла осень, и вспомнил Олег коня своего, которого прежде поставил кормить, решив никогда на него не садиться, ибо спрашивал он волхвов и кудесников: “От чего я умру?” И сказал ему один кудесник: “Князь! От коня твоего любимого, на котором ты ездешь, – от него тебе и умереть”. Запали слова

эти в душу Олегу, и сказал он: “Никогда не сяду на него и не увижу его больше”. И повелел кормить его и не водить его к нему, и прожил несколько лет, не видя его, пока не пошёл на греков. А когда вернулся в Киев и прошло четыре года, – на пятый год помянул он своего коня, от которого волхвы предсказали ему смерть. И призвал он старейшину конюхов и сказал: “Где конь мой, которого приказал я кормить и беречь?” Тот же ответил: “Умер”. Олег же посмеялся и укорил того кудесника, сказав: “Неверно говорят волхвы, но все то ложь: конь умер, а я жив”. И приказал оседлать себе коня: “Да увижу кости его”. И приехал на то место, где лежали его голые кости и череп голый, слез с коня, посмеялся и сказал: “От этого ли черепа смерть мне принять?” И ступил он ногою на череп, и выползла из черепа змея, и ужалила его в ногу. И от того разболелся и умер».

А вот как образно звучат те же летописные строки о трагической кончине князя: «И прииде на место, идеже беша лежаще кости его голы... И вступи ногою на лоб; и выникнувшие змиа со лба, уклюну в ногу. И с того разболеся и умре».

Князь тихо на череп коня наступил
И молвил: «Спи, друг одинокий!
Твой старый хозяин тебя пережил:
На тризне, уже недалекой,
Не ты под секирой ковыль обагришь
И жаркою кровью мой прах напоишь!

Так вот где таилась погибель моя!
Мне смертию кость угрожала!»
Из мертвой главы гробовая змия
Шипя между тем выползала;
Как чёрная лента, вокруг ног обвилась:
И вскрикнул внезапно ужаленный князь.

Нежданная смерть настигла Олега в 912 году, а княжения ему было ровно тридцать три года. И, быть может, княжил он и более, кабы внял предсказанию старца-кудесника:

Грядущие годы таятся во мгле;
Но вижу твой жребий на светлом челе.
<..>
Твой конь не боится опасных трудов:
Он, чуя господскую волю,
То смиренный стоит под стрелами врагов,
То мчится по бранному полю,
И холод и сеча ему ничего.
Но примешь ты смерть от коня своего.

Сам же Пушкин то ли вопрошает, то ли укоряет Александра Бестужева, критика и писателя: «Тебе, кажется, “Олег” не нравится; напрасно. Товарищеская любовь старого князя к своему коню и заботливость о его судьбе есть черта трогательного простодушия, да и происшествие само по себе в своей простоте имеет много поэтического».

Вспомним те слова, – о них-то и упоминает в письме

Александр Сергеевич, – обращённые Олегом к коню:

«Прощай, мой товарищ, мой верный слуга,
Расстаться настало нам время:
Теперь отдыхай! уж не ступит нога
В твое позлащенное стремя.
Прощай, утешайся – да помни меня.
Вы, отроки-друзи, возьмите коня!
Покройте попоной, мохнатым ковром;
В мой луг под уздцы отведите:
Купайте, кормите отборным зерном;
Водой ключевую поите».

...Однажды Алексей Вульф оставил в своём дневнике прелюбопытную запись: «Играя на биллиарде, сказал Пушкин: “Удивляюсь, как мог Карамзин написать так сухо первые части своей “Истории”, говоря об Игоре, Святославе. Это героический период нашей истории...”».

Гибель князя Олега. Радзивилловская летопись.

В том давнем разговоре не мог не вспомнить поэт и о Вещем Олеге. Пушкин верен себе, – он поэтически «подправил» древнюю историю Руси, воссозданную Карамзиным. Даровав легендарному князю всю полноту жизни вкупе с его бессмертием.

«Кобылица молодая»

Стихи под заглавием «Подражание Анакреону» (а точнее, по мотивам оды «К фракийской кобылице» древнегреческого певца-лирика) поклонники поэзии могли прочесть, раскрыв журнал «Северные цветы на 1829 год». Но явились эти строки годом ранее, в пору влюблённости Пушкина в Анну Оленину, петербургскую барышню, миниатюрную красавицу с острым насмешливым умом.

Кобылица молодая,
Чуть кавказского тавра,
Что ты мчишься, удалая?
И тебе пришла пора;
Не косись пугливым оком,
Ног на воздух не мечи,
В поле гладком и широком
Своенравно не скачи.
Погоди; тебя заставлю
Я смириться подо мной:
В мерный круг твой бег направлю
Укороченной уздой.

А сама Анна Оленина оставила в дневнике довольно-таки нелестные строчки о своём именитом воздыхателе: «Арапский профиль, заимствованный от поколения матери, не

украшал лица его, да и прибавьте к тому ужасные бакенбарды, растрепанные волосы, ногти как когти, маленький рост, жеманство в манерах, дерзкий взор на женщин, которых он отличал своей любовью...»

«Бойкая штучка» и «Драгунчик», как шутя звали её друзья, под пером Пушкина обратилась дикой «фракийской кобылицей», – той, что жених-поэт мыслил усмирить «укороченной уздой». Но так и осталась «необъезженной» барышня Оленина на затянувшиеся годы её девичества...

Рисунок Пушкина. Среди набросков лошадиных голов – возможный автопортрет поэта в образе коня.

Греческим Пушкин, как известно, не владел, посему и оды великого Анакреона читал лишь в переводах. Возможно, сходными с переводом Уолтера Хэдлэма, известном благодаря британскому классику лишь в конце девятнадцатого столетия:

Ах, скажи мне, почему ты поворачиваешься и летишь,
Моя маленькая застенчивая фракийская кобылка?
Зачем бросать на меня косой
Этот жестокий взгляд...

Видимо, сравнение своенравной красавицы с дикой кобылицей долго занимало поэта. Много позднее женатый Пушкин отправляет в «С. – Петербург у Прачечного мосту на Неве в доме Баташева» из Михайловского такое вот наставительное письмо: «Милая моя женка, есть у нас здесь кобылка, которая ходит и в упряжке и под верхом. Всем хороша, но чуть пугнет её что на дороге, как она закусит поводья, да и несёт вёрст десять по кочкам да оврагам – и тут уж ничем её не проймёшь, пока не устанет сама. Получил я, ангел кротости и красоты! письмо твоё, где изволишь ты, закусив поводья, лягаться милыми и стройными копытцами, подко-

ванными у Mde Katherine¹.

Надеюсь, что теперь ты устала и присмирела. Жду от тебя писем порядочных, где бы я слышал тебя и твой голос – а не брань, мною вовсе не заслуженную, ибо я веду себя как красная девица».

¹ Мадам Катрин (франц.).

«Кобылица молодая...» Древнегреческая ваза с острова Родос. Фотография Л. А. Черкашиной. 2009 г. Публикуется впервые.

Да, Александр Сергеевич уподобил свою милую Наташу молодой пугливой кобылке, и, думается, тем не обидел её, – напротив, польстил женскому самолюбию. Но ведь и сам Пушкин удостоился некогда схожего сравнения! Вот как, живописуя «пылкость и сладострастие африканской его крови», Сергей Комовский, прозванный лицеистами «Лисой», а также «Смолой» за свои несносные «душеспасительные» поучения, вспоминал однокашника: «Пушкин до того был женолюбив, что, будучи ещё 15 или 16 лет, от одного прикосновения к руке танцующей, во время лицейских балов, взор его пылал, и он пыхтел, сопел, как ретивый конь среди молодого табуна».

*Александр Пушкин-лицеист. Гравюра Е. Гейтмана.
1822 г.*

...Некогда Гоголь нашёл все объясняющие слова: «И как верен его (Пушкина) отклик, как чутко его ухо! Слышишь запах, цвет земли, времени, народа. В Испании – он испанец, с греком – грек...» И вновь стихотворная дань великому греку, – воскрешение одной из его славных од.

Узнают коней ретивых
По их выжженным таврам;
Узнают парфян кичливых
По высоким клубукам.
Я любовников счастливых
Узнаю по их глазам:
В них сияет пламень томный —
Наслаждений знак нескромный.

«Из Анакреона» – сей поэтический отрывок Пушкин мнил включить в «Повесть из римской жизни», и предваряли его такие строки: «Солнце клонилось к западу; я пошёл к Петронии. Я нашёл его в библиотеке. Он расхаживал; с ним был его домашний лекарь Септимий. Петроний, увидя меня, остановился и произнёс шутливо...»

Нет, не зря умница Зинаида Волконская, «царица муз и красоты», с восторгом вопрошала поэта, воздав заодно хвалу и Надежде Осиповне: «Кто она, та мать, зачавшая человека, чей гений – вся сила, всё изящество, вся непринуждённость; кто – то дикарём, то европейцем, то Шекспиром и Байроном,

то Ариосто, Анакреоном, но всегда Русским».

И если Пушкин – «русский Анакреон», то сам древний пиит не есть ли «греческий Пушкин»?! Истинно, поэты «родня по вдохновенью», хоть, казалось, и разделены глухою стеною столетий.

«На золотом аргамаке»

Княгине Волконской вторит «Языков вдохновенный», воспевая памятные приезды Пушкина в Тригорское, в дом добрейшей Прасковьи Александровны Осиповой и её дочерей-барышень Анны и Евпраксии Вульф:

На золотом аргамаке,
Заморской шляпою покрытый,
Спеша в Тригорское, один —
Вольтер, и Гёте, и Расин —
Являлся Пушкин знаменитый...

Забытым ныне словом «аргамак» именовали прежде жеребцов восточных кровей. Именно так на Руси принято было называть породистых восточных, да и горских лошадей: горячих красавцев-ахалтекинцев, полных конской грации арабских скакунов, быстроногих «кабардинцев».

Но что за рыжий аргамак, поразивший воображение Языкова, был тогда под седлом у Пушкина? Уж не узнать. Быть может, среднеазиатский золотой рысак, чья родословная теряется в глубинах веков? Именно этот аргамак, золотисто-рыжего окраса с высоко-горделивой посадкой головы, славящийся лёгким быстрым бегом, поражал знатоков своей удивительной лошадиной статью. Верно, на какой-либо рукописной странице пушкинской рукой запечатлён и сей гордели-

вый аргамак?

Но золотой гривой много ранее одарён и сказочный верный конь:

Вокруг Руслана ходит конь,
Поникнув гордой головою,
В его глазах исчез огонь!
Не машет гривой золотою,
Не тешится, не скачет он
И ждёт, когда Руслан воспрянет...

Конь, это красивое и сильное животное, наделён в пушкинских стихах особым философским смыслом. Управлять собственной жизнью, равно как непокорным конём, – возможно ли? Вот мысли, что приходят на ум герою- французу Андрею Шенье за минуты до неминуемой казни:

Мне, верному любви, стихам и тишине,
На низком поприще с презренными бойцами!
Мне ль было управлять строптивыми конями
И круто направлять бессильные бразды?

Рисунки Пушкина на полях рукописи.

На той же рукописной странице, где явились эти строки, поэт в задумчивости набросал несколько конских голов, и одну из них весьма необычную, – вписав в неё собственный профиль, словно сим оригинальным автопортретом желая «сродниться» с лошадью.

Урок царям

Править мудро царством не сродни ли искусству выездки строптивного жеребца?!

Всегда народ к смятению тайно склонен:
Так борзый конь грызёт свои бразды;
На власть отца так отрок негодует;
Но что ж? конём спокойно всадник правит,
И отроком отец повелевает.

Коль не в силах сдержать коня, самодержец ослабит поводья, – жди беды. Это ли не толкование тех кровавых народных смут, что не раз терзали Русь? Вот и Борис Годунов в царских палатах внимает тем увещеваниям боярина Басманова.

Однако государева власть, та самая «железная узда», смертельна порой и для царя-наездника, – не эта ли мысль заключена в рисунке Пушкина: вздыбившийся осёдланный конь на скале, над разверзнувшейся бездной, но уже без августейшего всадника?! А коль упущены из рук бразды правления, то и придавленная было конским копытом змея осторожно поднимает свою ядовитую голову. набросок петербургского памятника Петру, но без самого императора, затерялся меж черновых строк поэмы «Тазит» как плод раздумий поэта...

Конь, сбросивший своего царственного седока, – сколь многие умы занимал сей странный пушкинский рисунок, и сколь по-разному толковался скрытый в нём тайный смысл! Вздыбившийся над обрывом конь как символ новой России, но России без Петра Великого... Или то было неким грозным посылом будущим Романовым?!

Но сам бронзовый Пётр вот уже четвертое столетие сдерживает своей мощной дланью бронзового скакуна:

Ужасен он в окрестной мгле!

Какая дума на челе!

Какая сила в нем сокрыта!

А в сём коне какой огонь!

Конь, сбросивший всадника. Рисунок Пушкина на рукописи поэмы «Тазит».

Покрывало с памятника работы парижанина Фальконе,

что на Сенатской площади, с великими торжествами, при параде гвардейцев и пальбе из гладкоствольных ружей-«фузей», в присутствии августейшей самодержицы Екатерины II, спало в августе 1782-го. Сам ваятель так мыслил о своём творении: «Монумент мой будет прост... Я ограничусь только статуей этого героя, которого я не трактую ни как великого полководца, ни как победителя, хотя он, конечно, был и тем и другим. Гораздо выше личность созидателя-законодателя...»

Куда ты скачешь, гордый конь,
И где опустишь ты копыта?
О мощный властелин судьбы!
Не так ли ты над самой бездной
На высоте, уздой железной
Россию поднял на дыбы?

Император Пётр, в лавровом венце, в героическом античном одеянии, восседает на горячем жеребце, одной рукой сдерживая коня, а другую простирая вдаль, в будущие века. Но под царём-исполином не изукрашенное богатое седло, а простая медвежья шкура с безжизненно повисшей лапой с когтями, – уж не символ ли то старой поверженной и растерзанной допетровской Руси?! Иль, быть может, французу Фальконе ведомо было, что в славянской культуре медвежья шкура почиталась оберегом от злых духов?

И прямо в темной вышине
Над огражденною скалою
Кумир с простертою рукою
Сидел на бронзовом коне.

Не по-женски смело подхватившая государевы бразды, Екатерина Великая повелела дважды начертать на постаменте, гигантском «Гром-камне», и своё царственное имя: «ПЕТРУ первому ЕКАТЕРИНА вторая лѣта 1782» – с одной стороны камня-пьедестала; и «PETRO primo CATHARINA secunda MDCCLXXXII» – с другой.

Да, она лишь Екатерина Вторая, но идёт следом за Петром Первым, и она – его преемница и она снискала в истории титул Великой. «Медный всадник» – памятник и ей, «августейшей наезднице», и её долгому счастливому царствованию!

Памятник Петру. I на Сенатской площади. Санкт-Петербург. Фото Л. А. Черкашиной. 2011 г.

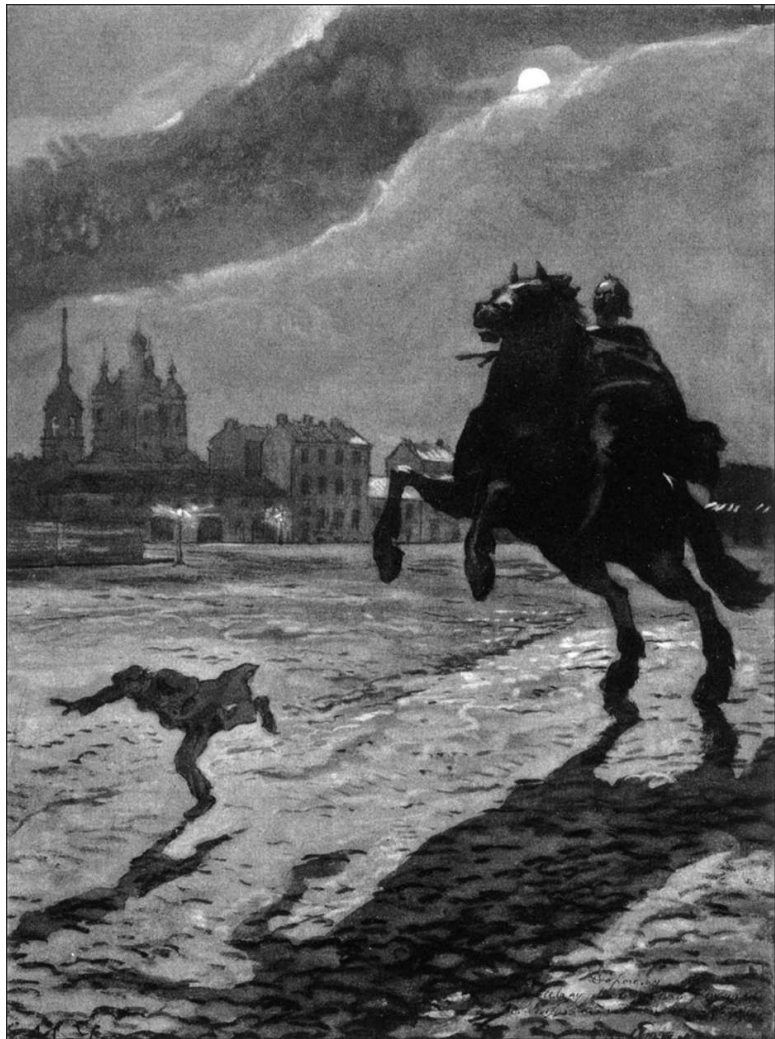
...В мае 1834-го из Петербурга в калужскую усадьбу Полотняный Завод летит письмо: «Ты спрашиваешь меня о Петре? – вопросом на вопрос Натали отвечает Пушкин, – идёт помаленьку; скопляю матерьялы – привожу в порядок – и вдруг вылью медный памятник, которого нельзя будет перетаскивать с одного конца города на другой, с площади на площадь, из переулка в переулк».

...И вот уже медный Пётр, августейший всадник, оглашая

звоном копыт петербургские мостовые, мчится за дерзким безумцем:

И он по площади пустой
Бежит и слышит за собой —
Как будто грома грохотанье —
Тяжело-звонкое скаканье
По потрясенной мостовой.

Но откуда у Пушкина явилась мысль написать «Медного всадника», что тому первопричиной? Одна из версий такова. В грозном 1812-м, когда русские полки стремительно отступали под натиском войск Наполеона, встревоженный Александр I повелел вывезти из Петербурга бесценные шедевры живописи и скульптуры. Уж велено было статс-секретарю Молчанову отправить в Вологодскую губернию и памятник Петру I. И, вне сомнений, приказ тот был исполнен, кабы не... сон, что несколько ночей подряд не снился бы майору Батурину, – будто наяву он видит, как бронзовый Пётр съезжает с гигантского камня-постамена и скачет на Каменный остров, ко дворцу, тогдашней резиденции Александра. Государь выходит ему навстречу и слышит грозную речь царственного предка: «Молодой человек, до чего ты довёл мою Россию, – но покада я на месте, моему городу нечего опасаться!» Сказав то, Пётр Великий поворотил коня в сторону Сенатской площади...

*Фронтиспис к поэме «Медный всадник». Художник
А. Н. Бенца. 1905 г.*

О том провидческом сне майора доложили государю, и Александр I, устыдившись собственного малодушия, отменил былое решение.

И, озарен луною бледной,
Простерши руку в вышине,
За ним несется Всадник Медный
На звонко-скачущем коне...

Воистину, «Медный всадник» – самый загадочный памятник в Петербурге. И, быть может, вслед за Пушкиным, кто так остро прочувствовал метафизическую сущность северной столицы, был Фёдор Достоевский: «А что, как разлетится этот туман и уйдёт кверху, не уйдёт ли с ним вместе и весь этот гнилой, склизкий город, подыметя с туманом и исчезнет как дым, и останется прежнее финское болото, а посреди его, пожалуй для красы, бронзовый всадник на жарко дышащем, загнанном коне?»

И тяжело Нева дышала,
Как с битвы прибежавший конь...

Для петербургского бедствия, наводнения двухвековой давности, Пушкиным найден ярчайший образ, – разбуше-

вавшаяся Нева, готовая вот-вот поглотить сей призрачный город на болотах, подобна разгорячённому ратному коню.

Славная Лизетта

Уж не медный «Кумир с простёртою рукою», а живой Пётр занимает воображение поэта, – могучий, полный праведной ярости русский царь врывается со страниц «Полтавы». Разящий врагов Пётр, схожий с Георгием Победоносцем!

Выходит Пётр. Его глаза
Сияют. Лик его ужасен.
Движенья быстры. Он прекрасен,
Он весь, как божия гроза.
Идёт. Ему коня подводят.
Ретив и смирен верный конь.
Почуя роковой огонь,
Дрожит. Глазами косо водит
И мчится в прахе боевом,
Гордась могущим седоком.

«Полтавская битва есть одно из самых важных и самых счастливых происшествий царствования Петра Великого, – заметил Пушкин в предисловии к поэме. – Она избавила его от опаснейшего врага, утвердила русское владычество на юге, обеспечила новые заведения на севере и доказала государству успех и необходимые преобразования, совершаемого царём. <..> Сам Пётр долго колебался, избегая главного

сражения, яко зело опасного дела».

Николай I в санях. Художник И. Свечков. 1853 г.

В тот достопамятный для России день под седлом у Петра был его любимец-конь, со странным для жеребца прозвищем Лизетта. Кличка, несомненно, годящаяся лишь для кобылы. Но стоит вспомнить, что то – любимое имя Петра Первого: Лизеттой именовал он своего верного терьера, домашнюю собачку; «Лизеттой» назвал военный корабль, шестнадцати-пушечную шняву, построенную на Петербургской верфи по его, государя, собственному проекту, и спущенную на воду

в июне 1708 году. И, наконец, этим именем царь нарѣк свою любимицу-дочь Лизоньку, будущую императрицу Елизавету Петровну.

...Лизетта носила своего венценосного всадника и в Полтавской баталии, и в Прутском походе; Лизетта запечатлена на всех парадных конных портретах царя-победителя; Лизетта послужила «моделью» скульптору Фальконе для императорского скакуна. А значит, именно ей, Лизетте, посвящены гениальные пушкинские строфы, и это её изобразил поэт на своём рисунке – вздыбившимся над бездной конѣм, но без седока!

До сих пор не прекращается ярый спор: кто же тот славный, вошедший в историю, царский конь, – жеребец или всё-таки, судя по кличке, кобыла?!

Обратимся к редкостной книге «Кабинет Петра Великаго», изданной в Санкт-Петербурге «по высочайшему повелению Императорской Академии наук» в 1800 году. Её автор, унтер-библиотекаръ Осип Петрович Беляев, семнадцать лет посвятивший хранению редкостей Кунсткамеры и досконально знавший историю всех её экспонатов, связанных с памятью государя Петра, без тени сомнения уверял: «Лошадь сия есть жеребец персидской породы». Значит, то ещё ранее ведомо было французу Фальконе, не погрешившему против истины, – ведь его Пётр восседает на бронзовом жеребце!

Пётр I в Полтавской битве. Фрагмент картины. Художник Л. Каравак. 1718 г.

Порода «Персидский араб», так ещё именуют этих верховых лошадей, – древнейшая в мире: за два тысячелетия до новой эры воинственные персы красовались на этих гордых

скакунах. По масти кони могут различаться – на гнедых, рыжих, вороных, – но все они одинаково резвы, выносливы и смелы. И доньше уцелели две ветви персидско-арабской породы: «джаф» из Курдистана и «дарашури» из региона Фарс.

История сохранила место и день, где и когда Пётр I повстречал будущего своего любимца: на старой дороге, что в окрестностях Риги, когда государь возвращался в Москву из Великого посольства, дипломатической миссии его, правителя Русского царства, в Европу. В тот летний день 1698 года повстречались ему на пути маркитанты, что продавали красавца жеребца, то ли рыжей, то ли бурой масти. Петру так полюбился конь, что, не торгуясь, он выкупил его, дав в придачу маркитантам сто голландских червонцев. А голландский червонец, или нидерландский дукат, являл собой золотую монету русской чеканки, – чистым золотом заплатил царь за коня.

И, верно, никогда о том не жалел, – ведь Лизетте обязан он был своему спасению в Полтавской баталии. В пылу битвы Пётр оказался досягаем для шведских ружей: по венценосному всаднику был открыт прицельный огонь. И коли бы не Лизетта, резко рванувшаяся в сторону, быть бы беде! Шведская пуля, предназначенная русскому государю, засела в деревянном орчаке (или арчаке), остове царского седла.

И точно: конь передо мною,
Скребёт копытом, весь огонь,

Дугою шея, хвост трубою.

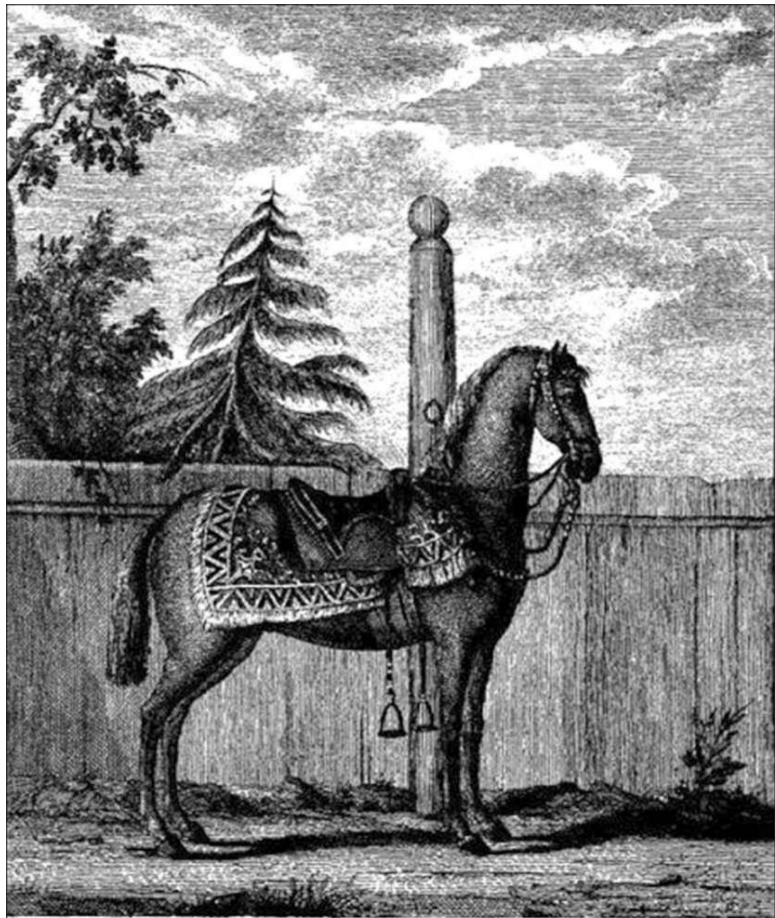
Жеребец был и в самом деле ловок, силён, вынослив, – поговаривали, что «без насады» пробежал в день за сотню вёрст! Конь, поистине, исторический, – выбита Лизетта со своим августейшим наездником на медали в честь победы под Полтавой.

Медаль в память Полтавской баталии.

Привязанность Петра I к Лизетте (или к Лизетту, – есть и такая версия!) была необычайной. Верно, схожей с любовью Вещего Олега к своему коню! Да и Лизетта слушалась лишь хозяина-монарха, не подпуская к себе царских конюхов. Поверим Осипу Беляеву, автору этих поразительных

строк: «Когда подводили её к Государю совсем уже оседланную, и Он, раздумав вдруг ехать, отсылал её обратно в конюшню; то она, <..> казалась печальною до такой степени, что слёзы из глаз ея выкатывались».

Лошадь Государя Петра-великаго, Лисетт называемая, предъставлена въ собственн. ея убранствѣ, на которой Его-Величество развязывалъ во время преславнаго Полтавскаго сраженія.

Лизетта, лошадь Петра I, в полном убранстве. Гравюра из книги О. Беляева «Кабинет Петра Великого». 1800 г.

А подчас, что случалось во время боевых походов, Лизетта смело отодвигала мордой полы царской палатки, вступая в неё, и если приходило время обеда, то получала угощение из рук самого Петра.

Что ты ржёшь, мой конь ретивый,
Что ты шею опустил,
Не потряхиваешь гривой,
Не грызёшь своих удил?..

...После кончины верной Лизетты опечаленный Пётр повелел изготовить из любимицы, вернее – любимца, чучело, поместив его в Кунсткамеру, где долгие годы и хранил сей бесценный экспонат унтер-библиотекарь Осип Петрович Беляев.

На крыльях Пегаса

«С молодых ногтей» впитал Пушкин культуру великой Эллады, с её бесценным вкладом в мировую цивилизацию. Вспоминала о том на склоне лет и сестра поэта Ольга Павлицева: «Учился Александр Сергеевич лениво, но рано обнаружил охоту к чтению и уже девяти лет любил читать Плутарха или “Илиаду” и “Одиссею” в переводе Битобе».

Уж много позже Пушкин не раз сожалел, что не владеет греческим, заметив как-то Николаю Гнедичу, переводчику «Илиады», эпической поэмы Гомера: «Незнание греческого языка мешает мне приступить к полному разбору “Илиады” Вашей. Он не нужен для Вашей славы, но был бы нужен для России».

Гнедичу же адресованы и эти образные строки: «Когда Ваш корабль, нагруженный сокровищами Греции, входит в пристань при ожиданье толпы, стыжусь вам говорить о моей мелочной лавке № 1». Правда, похвала искусному переводчику соседствует здесь чуть ли не с самоунижением, – однако история всё расставила по местам, и в «мелочную лавку» Александра Сергеевича и по сей день заглядывают бесчисленные толпы читателей-«покупателей»!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.